

В. Г. Короленко

Георгий Чулков. -- "Тайга"

Драма. Издательство "Оры". С.-Петербург. 1907

В. Г. Короленко. Собрание сочинений в десяти томах.

Том восьмой. Литературно-критические статьи и воспоминания. Исторические очерки
М., ГИХЛ, 1955

Подготовка текста и примечания С. В. Короленко

OCR Бычков М. Н.

"Тайга"! Прежде всего,-- что такое тайга? Читатель, даже не бывавший в Сибири, знает, что тайгою называют по местному лес, а так как в Сибири леса преимущественно лиственные, то значит тайга есть сибирский лиственный лес. Дело как будто просто, для г. Георгия Чулкова даже слишком просто. Поэтому, при "переоценке" ясных понятий с декадентской точки зрения, он считает нужным дать тайге свои собственные "новые определения". В его драме некто Юрий, недавний житель "тайги", спрашивает у доктора, живущего "в тайге" 13 лет: "Скажите, доктор, что собственно значит слово тайга? Этот густой лес, что раскинулся вокруг?" И доктор отвечает: -- "Нет, тайгой называется и лес, и земля вместе". *Юрий* (полагаю, с недоумением): "И лес, и земля вместе?" *Доктор*: "Да; и лес, и земля, и притом в их священной пустынности".

Мало вразумительно и едва ли правильно, но кто докажет, что правильность и вразумительность -- нужны для всяких определений? Ведь вот и слово металл дает понятие, как будто довольно ясное. Но в этом простом виде оно совсем не интересно. А скажите его особенным образом, да еще прибавьте к нему "жупел",-- и замоскворецкие купчихи, по свидетельству Островского,-- станут впадать в истерику. Это значит, что к простому понятию прибавлено "настроение", столь интенсивное, что для нервных замоскворецких дам оно становится даже нестерпимым... Повидимому, и тайга дает г. Чулкову "настроение" лишь тогда, когда она является не тем, что она есть в действительности, а только с прибавлением к ней "земли в священной пустынности" и разных небывалых жупелов. По счастливой случайности, это маловразумительное определение мы можем дополнить еще некоторыми чертами, заимствованными у того же автора. Одновременно с "драмой" г. Чулкова мы прочитали его поэтическое произведение, напечатанное в газете "Товарищ" (№ 249) и озаглавленное "В тайге". Из него мы узнаем, что г. Чулков "сквозь чащу-дрему тайги вечерней с неверным сердцем бродил во сне"... Во время этой интересной прогулки по "таежному, нежному и страшному пути", "хранимый словом напевно-ярм", поэт сделал несколько открытий, даже, можно сказать, откровений, чрезвычайно интересных не только для географов, но и для исконных сибиряков, всю жизнь проводящих в тайге. А именно, он узнал, что

...там в глубинах, забытых богом,
Где клект орлиный заглох в глуши,
И зверь сердитый с *могучим рогом*
Мох черный топчет в лесной тиши...
...Там *лебедь белый* в седом тумане
Поет о смерти, зовет, зовет,
И я несмело, во сне-обмане
Пою, как лебедь, *зеркальность вод*...

Если оставить в стороне самого поэта, который, очевидно, составляет в тайге явление совершенно исключительное и случайное -- вероятно, даже никогда небывалое,-- то все же окажется, что в той тайге, которую "познал" г. Чулков в своем видении, водятся, во-первых, носороги, во-вторых, зимой на озерах сохраняется "зеркальность вод" и, в-третьих, на этой зеркальности поют лебеди...

В этой-то интересной тайге происходит некое таинственное "действие" между проживающими там людьми, столь же экзотического происхождения, как таежные носороги и лебеди. Это, во-первых, Юрий, личность без определенной физиономии, к коему приезжает невеста ("сестра Любовь"). Она, конечно, не